
**«ВЛАДЕТЬ ВОСТОКОМ»: КОНСТРУИРОВАНИЕ
ОБРАЗА РЕГИОНА
В ТВОРЧЕСТВЕ В.К. АРСЕНЬЕВА***

Елена Валентиновна Головнева,
Наталья Ивановна Мартишина

Аннотация. В статье анализируется творчество исследователя и путешественника Дальнего Востока В.К. Арсеньева (1872–1930) с целью выявления в его трудах репрезентационного потенциала образа региона. В качестве основных источников для анализа выступают архивные данные (путевые дневники, воспоминания, газетные публикации) и литературные произведения автора. На основе методологии социального конструктивизма выделяются и анализируются научный и художественный способы конструирования образа Дальнего Востока и показывается место каждого из них в творчестве Арсеньева. Особый акцент делается на изучении роли самой фигуры исследователя в создании стереотипного образа дальневосточного края, а в качестве приемов конструирования, которые использует Арсеньев в своих работах, рассматриваются научное описание, нейминг территории, картографирование, визуализация и литературное творчество. Показано, что посредством созданных Арсеньевым нарративов у читателей возникал образ Дальнего Востока, имеющий сильную эмоциональную составляющую, и формировалось многомерное (нелинейное) представление о регионе и населяющих его жителях. Разнообразие используемых Арсеньевым приемов в изучении Дальнего Востока, с одной стороны, сглаживали излишнюю наукообразность в репрезентации региона, с другой стороны, оказывались в минимальной степени подвержены политической риторике. Делается вывод, что, благодаря творчеству Арсеньева, образ Дальнего Востока закрепляется в массовом сознании (и в таком виде транслируется на зарубежную аудиторию) как мощный идейный комплекс, сочетающий в себе картины природы и жизни животных, русских колонистов и приморских «следопытов». В таком виде образ Дальнего Востока приобретает характер культурного конструкта, формирует оценку региона и отличается устойчивостью.

Ключевые слова: образ региона, конструирование, конструкт, визуализация, Дальний Восток, В.К. Арсеньев

Дальний Восток по территории больше Европы,
а много ли знают у нас о нем?

Возьмите карту, закройте глаза, ткните пальцем:
куда ни попадете – всюду интересно.

Амур, Уссури, Сахалин, Советская гавань,
Камчатка, Приморье – всюду залежи материала...

В.К. Арсеньев

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00076, проект «Традиционные этнокультурные сообщества Севера в этнографическом кино».

Одними из самых актуальных вопросов в современных социально-культурных исследованиях являются вопросы, связанные с «социальным производством пространства» и конструированием образа территории (Лефевр 2002; Филиппов 2008; Sarup 1996; Tuan 1996; Valentine 2007). Образы российских регионов как территорий, обладающих историческим, культурным, природным, социальным своеобразием, в современной России становятся основанием управленческих решений, миграционных процессов, личностного жизненного выбора. Поиск ресурсов для стратегического развития регионов в условиях обостряющейся конкуренции превращает образ каждого региона в объект целенаправленной разработки в требуемом направлении с использованием специальных приемов. Конструирование образа территории и активная его трансляция на внешнюю и внутреннюю аудиторию акцентируют основания, на которых базируется позитивная оценка региона, задают стандарты ценностных высказываний о нем, выполняют культурно-просветительскую функцию, а также формируют социально-культурные практики, через которые собственно и поддерживается чувство принадлежности к территории. Конструирование образа территории, таким образом, является, с одной стороны, процессом, а с другой стороны, инструментом социального конструирования.

В качестве самостоятельных способов такого конструирования могут быть рассмотрены научное исследование и художественная концептуализация характеристик определенной территории. Развитие образа территории в результате, например, научно-исследовательских экспедиций и литературного творчества происходит в различных направлениях, активируя соответственно информационно-когнитивную и ценностно-эмоциональную его составляющую. Тем не менее именно их взаимодействие определяет многоплановый, синтезный характер возникающего и утверждающегося в массовом сознании представления о регионе. В этой связи интересно обращение к научному и литературному наследию конкретных авторов – «первооткрывателей» отдаленных территорий.

Предметом данной статьи является научное и художественное конструирование образа Дальнего Востока в творчестве В.К. Арсеньева (1872–1930) – одного из самых известных путешественников и исследователей дальневосточного региона, изучавшего этот край на протяжении 30 лет (рис. 1). В противовес официально господствовавшему в первой трети XX в. дискурсу завоевания и идеологического освоения пограничных территорий, Арсеньев акцентировал внимание на природной и этнокультурной исключительности края. Подход Арсеньева включал в себя как тщательное наблюдение за дальневосточным регионом и его детальное научное описание, так и создание ярких нарративов художественного плана. Сама фигура Арсеньева, в котором, по из-

вестному выражению А.М. Горького, «объединены Брем и Фенимор Купер», и сконструированный им образ Дальнего Востока надолго определили восприятие данной территории как внутри страны, так и за рубежом. В прессе конца 1920-х гг. отмечалось, что «недоступный для широких масс и лишь в ничтожных количествах доступный для ученых кругов материал, требовавший огромных трудов и значительных затрат для его поиска, отбора, приобретения... весь этот материал дается в живой связи друг с другом, со своей средой, со всей подлинной, само-бытной, интересной и мало кому ведомой до сих пор жизнью» (АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 56. Л. 18).

Рис. 1. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Хабаровск. 1913 г.
(АОИАК. Ф. 14. Оп. 4. Д. 26. Л. 7)

До Арсеньева Дальний Восток, действительно, во многом был «неизвестной землей» (*terra incognita*) (Wright 1947). Результаты экспедиций в этот отдаленный край, предпринимаемых в XIX в. немногими учеными-путешественниками (в том числе Р.К. Мааком, К.И. Максимовичем, А.Ф. Будищевым, Н.М. Пржевальским), были известны лишь специалистам в сфере зоологии, биологии и географии. Не было книг, из которых читатели могли бы получить общие, достаточно подробные, популярно изложенные сведения о регионе. Опубликованные работы Арсеньева до 1920 г. являлись исключительно научными и также представляли интерес, главным образом, для узкого круга специалистов. Только в 1920 г. Приморским филиалом географического общества была опубликована небольшая книжка Арсеньева «Абма. Ли Цун-бин» (написанная по материалам, собранным во время путешествий по Уссурийскому краю), а в 1921 г. во Владивостоке вышла его известная работа «По Уссурийскому краю (Дерсу Узала)» – художественное описание путешествия исследователя в горную область Сихотэ-Алинь. С этого момента, как утверждают биографы Арсеньева, жители Дальнего Востока, а затем и вся страна узнали об Арсеньеве-путешественнике и Арсеньеве-писателе (АОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Д. 135. Л. 38). Всего исследователь оставил после себя более 50 произведений, некоторые из них написаны на специальные научные темы (география, этнология, археология, статистика), другие же относятся к числу собственно литературно-художественных произведений («По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «В дебрях Уссурийского края», «Сквозь тайгу» и др.).

К настоящему времени научное и художественное наследие Арсеньева довольно подробно изучено в литературе, описаны его путешествия на Дальнем Востоке (Аргудяева 2007; Егорчев 2016; Тарасова 2012). Вместе с тем поразительно мало внимания обращается на приемы и средства, используемые путешественником, в процессе «открытия» и своеобразного «изобретения» Дальнего Востока. С конструктивистских позиций творчество Арсеньева не изучено. В связи с этим особую актуальность приобретает поиск ответов на следующие вопросы: Как образ региона конструируется в творчестве Арсеньева? Что является основанием для синтеза представлений о Дальнем Востоке, сложившихся в его трудах? Каким образом пересекаются и сосуществуют научный и художественный дискурсы в исследованиях Арсеньева?

Опираясь на материалы архива Общества изучения Амурского края (г. Владивосток), наиболее ценными из которых являются экспедиционные дневники Арсеньева (с 1906 по 1927 г.), а также литературные источники, мы попытаемся последовательно ответить на эти вопросы.

Начало. К берегам р. Уссури

Получив военное образование в Петербургском пехотном юнкерском училище, Арсеньев с детства проявлял интерес к изучению отдаленных территорий, образ которых формировался у него на основе описаний, оценок, смыслов, усвоенных из бесед (в том числе с дядей И.Е. Кашлачевым) и прочтения тематической литературы. Как Арсеньев сам вспоминал впоследствии: «Меня всегда тянула к себе Восточная Сибирь, и я пошел на ее зов. Останься я в Царстве Польском – и из ста девяносто девять шансов было за то, что я погиб бы в войне с Германией или во время революции. В эти годы... судьбе было угодно, чтобы я очутился на службе в Управлении рыболовными, морскими и звериными промыслами Дальнего Востока. Это был мост, по которому я тогда перешел на Камчатку, Беринговы острова и море Шелехова (Гижигинская и Пенжинская губа) и обратно в Уссурийский край. Мои краеведческие познания обогатились множеством личных впечатлений и наблюдений» (АОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Д. 142. Л. 140). Уже став известным путешественником, Арсеньев писал: «Когда мечта моя сбылась, и я выехал на Дальний Восток, сердце мое замирало в груди» (Там же. Д. 135. Л. 35).

Курс географии Азии Арсеньев прошел под руководством известного путешественника и исследователя М.Е. Грумм-Гржимайло, который собственно и указал ему на Сибирь «как страну малонаселенную и еще менее изученную», а этнографию изучал у профессора Э.Ю. Петри. Приехав на Дальний Восток, от лесничего Уссурийского казачьего войска Н.А. Пальчевского (по специальности ботаника и краеведа) он получил книги об Уссурийском крае, а также познакомился с синологом М.Г. Шевелевым, давшим ему ценные советы по археографии, а впоследствии оставившем ему карты Уссурийского края и Восточной Маньчжурии с пометками, где надо искать развалины древних городов. Бывший политический ссыльный на о. Сахалине, а впоследствии старший этнограф Музея антропологии Л.Я. Штернберг снабдил Арсеньева разнообразной этнографической литературой («Инородцы Амурского края» Шренка, «Коренные обитатели Сибири» Миддендорфа, «Путешествие по долине Уссури» Маака и «Первобытная культура» Тайлора).

По сведениям биографа Арсеньева Ф.Ф. Аристова, Владивосток, куда приехал исследователь в мае 1900 г., представлял тогда собой «небольшой город, с немощеными улицами и большей частью деревянными тротуарами. В районе Гнилого Угла (юго-восточная часть города) было болото, а за ним начинался лес, куда охотники ездили бить оленей и диких косуль. Любимым местом Арсеньева стали Тихая бухта в Уссурийском заливе и остров Русский, который тогда был покрыт первобытным лесом. Осмотревшись, Арсеньев стал экскурсировать по

окрестностям Владивостока и побывал на вершинах всех гор, окружавших город и покрытых густой лесной и кустарниковой растительностью. Каждый день давал ему новые впечатления... Ему казалось, что он попал в новый, неведомый мир» (Аристов 1974: 130).

В течение пяти лет (1900–1905) Арсеньев совершает ряд поездок по Южно-Уссурийскому краю, занимаясь изучением Дальнего Востока и его туземного населения. В 1906–1909 гг. он предпринимает четыре больших экспедиции в центральной части хребта Сихотэ-Алинь (рис. 2), в 1917 г. – в горную область Ян-де-Янга, несколько экспедиций в Гижигинский район, на Камчатку (1919–1926) и, наконец, летом 1927 г. пересекает Сихотэ-Алинь по маршруту: Советская Гавань – Хабаровск. Со свойственной Арсеньеву аккуратностью, в течение всех своих путешествий он ведет дневники, рисует схемы, делает зарисовки, таблицы и даже наклеивает из тонкой березовой коры фигурки зверей, людей, божеств, сделанных туземцами (орочами, удэгейцами, нанайцами, тазами, ульчами). Путешественник так искусно располагает географический, этнографический, исторический и геологический материал, что читатель его путевых дневников сегодня «совершенно отчетливо представляет себе путь экспедиции, обстановку пути, рельеф местности, прекрасные картины окружающей природы, буквально ощущает антураж, сопутствующий экспедиции на всем ее пути» (Литературное наследство 1945).

Рис. 2. Арсеньев в экспедиции 1908 г. (АОИАК. Ф. 14. Оп. 4. Д. 15. Л. 14)

Постепенно Арсеньев начинает воспринимать ценности и традиции изучаемого им региона как собственные, обнаруживает в себе «местные» черты характера и переосмысливает общерусские национальные. В дневнике экспедиций Арсеньева на Тунгуску в 1917 г. можно прочесть, например, следующее: «Куда ни глянешь – всюду бросается беспорядок, безалаберщина, всюду видна бессистемность. Что-то предполагалось сделать, но не доведено до конца, потом, видимо, пришло другое лицо, пошли новые порядки, которые тоже не доведены до конца. С одной стороны, как будто бы тенденция к порядку, с другой – как будто нежелание создавать на деле порядок. Рядом с правильно сложенным штабелем набросана груда досок как попало. Поперек дороги лежит доска, она всем мешает, и никто не хочет сбросить ее в сторону. Проклятая русская лень...» (АОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Д. 36. Л. 51). Во время путешествия на Камчатку в 1918 г. Арсеньев фиксирует: «Чем больше я живу, тем больше нахожу отрицательных качеств у русского славянина. Самое же доминирующее у них – беспринципность... Полное разочарование... Все русские, прибывающие на Камчатку, за очень немногим исключением – хищники, имеющие одну только цель – сорвать, пограбить и уехать восвояси» (Там же. Л. 109, 115).

Образ Дальнего Востока в произведениях Арсеньева прочно связывается с уникальностью местной природы, климата и ландшафта. Однако первостепенное внимание Арсеньев уделяет все же местному региональному типу людей, выделяющихся своим этническим разнообразием, отличительными культурными практиками и этическими принципами. В работе 1929 г. «Население Владивостокского округа. Материалы Приморской экспедиции Дальневосточного переселенческого управления» Арсеньев пишет: «Полезные ископаемые, лес, продукты моря, соболь, пятнистый олень и другие промысловые животные составляют естественные богатства Края, но люди, живущие в нем, будь то аборигены или колонисты, представляют из себя самую высшую ценность. Изучение человека с точки зрения его трудоспособности в связи с темпераментом и традициями по месту своего выхода из первоначальной родины, втянутость в известного рода работу, к которой он привык с детства, и неприязнь, которую он питает к другого рода деятельности – все это заслуживает сугубого внимания» (Там же. Оп. 1. Д. 64. Л. 3).

Эту установку Арсеньев старался развивать в процессе всей своей деятельности на Дальнем Востоке. Как отмечали его современники, «будучи отзывчивым и душевно щедрым человеком, Арсеньев, подобно Н.М. Пржевальскому, Н.Н. Миклухо-Маклаю и другим отечественным исследователям, относился к туземному населению без чванливого высокомерия, свойственного большинству западноевропейских путешественников, и малые народности Дальнего Востока – орочи, удэгейцы, гольды, о судьбах которых он неустанно заботился, – платили ему

за доброту и благородство искренней привязанностью и горячей любовью» (АОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Д. 135. Л. 56).

«Открывая Дальний Восток»: научное конструирование образа территории

В творчестве Арсеньева можно выделить два способа конструирования образа Дальнего Востока – научный и художественный. Характерной особенностью здесь является тот факт, что научное и художественное в произведениях Арсеньева тесно переплетены между собой и, к примеру, научное описание края часто опирается на художественные нарративы, используя комплекс художественных идей для собственного содержательного обогащения.

Отметим, что репрезентация края, подаваемая в таком ключе, вполне соответствовала определенному социальному (и идеологическому) заказу того времени. Поражение в Русско-японской войне заставило царское правительство уделять больше внимания изучению и хозяйственному освоению Дальнего Востока, а победа советской власти обусловила политику активного социалистического «освоения» края. Как отмечалось в одной из местных газет, «молчание» о возможностях и производительных силах края с некоторых пор может рассматриваться «как одна из форм диверсии» (АОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Д. 135. Л. 14). В своем письме Арсеньеву А.М. Горький, например, предлагает следующее: «...необходимо, чтобы наш массовый читатель был ознакомлен – по возможности широко – с ходом культурного и промышленного роста всех областей Союза за истекшие 10 лет. С этой целью Госиздат решил выпустить серию областных сборников под общим титулом “Библиотека “Наших достижений””...Так как очерки рассчитаны на внимание и понимание широких масс – язык очерков должен быть прост и ясен. Не возьмете ли Вы на себя труд создать сборники по достижениям Уссурийского края и организовать еще 2–3 сборника по областям Дальнего Востока?» (23.IX.1929) (Там же. Л. 16).

Исходным основанием конструирования образа Дальнего Востока для Арсеньева является все же его научное (географическое, демографическое, статистическое) описание. В обзорной статье «Положение Дальневосточного края и его границы» (1920-е гг.) он пишет: «Дальневосточный край занимает часть Сибири, которая прилегает к Великому Океану, на юге примыкает к Монголии и Маньчжурии, на северо-западе к Иркутской губернии и к автономной Якутской Социалистической Республике... В состав Дальневосточного края входят губернии: Забайкальская, Амурская, Приморская и Камчатская... Остров Сахалин своими очертаниями напоминает рыбу, голова которой обращена к Охотскому морю, а хвост к Японии. Это узкая полоса земли с почти

параллельными берегами – находится во владении двух держав. Северная половина принадлежит СССР, южная – Японии. Площадь земли, занимаемая Дальневосточным краем, исчисляется 2.636.463 кв. км. Несмотря более, чем на двухсотлетний период владения русскими Дальневосточным краем, страна эта мало изучена. В исследовательском отношении всю территорию Дальневосточного края можно разделить так: детальная изученность региона – 10%, поверхностная – 60%, районы, совершенно не изученные даже в географическом отношении – 30%» (здесь и далее орфография и пунктуация автора сохранены. – Е.Г., Н.М.) (АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–3).

Для отграничения территории Дальнего Востока Арсеньев использует прежде всего процедуру наименования. С точки зрения конструктивизма, именование (нейминг) является первичным этапом конструирования, поскольку выделяет объект, создает его репрезентант в научной реальности и идентифицирует его в качестве объекта определенного типа (озеро, падь, горный отрог и т.п.). Именно нейминг локальных объектов географического пространства делает возможным представленность региона в социокультурном пространстве. М.А. Розов обращает в этой связи внимание на трактовку открытия объекта в географии: последний может быть хорошо известен местному населению, но в контекст науки его вводит (и соответственно создает в качестве научного объекта) «первое посещение данной территории представителями народов, владеющих письменностью, ее описание и нанесение на карту» (Розов 1995: 91). Значимым с точки зрения создания образа региона представляется тщательная фиксация в исследованиях Арсеньева этимологии местных наименований географических объектов, например Ле-фу-хэ – «река счастливой охоты» или – Чао-тан-гоу-цзы – «долина, обращенная к солнцу».

Способом первичного научно-конструирующего освоения территории выступают карты и схемы, посредством которых географические объекты интегрируются в знаково-смысловое пространство культуры. Репрезентация дальневосточной территории осуществляется Арсеньевым с помощью картографирования, топографической съемки, составления плана местности. В дневниках исследователя содержатся карты-схемы промысловых рек (специально составленных для Арсеньева удэгейцами и орочами), горных перевалов, лесной местности, в которых наглядно отражены, помимо прочего, географические представления аборигенов. Определение рельефа в этих картах отличается большой дробностью характеристик, использованием названий, связанных с охотой и рыболовством, растительным миром и хозяйственной деятельностью.

Путевые дневники Арсеньева содержат также детальные научные описания физико-географических и климатических условий русского

Дальнего Востока, его рельефа, населения, ресурсов, особенностей колонизации. Арсеньев пишет: «Несмотря на свое южное положение, Владивостокский округ имеет суровый климат, в особенности в зимнее полугодие, когда дуют резкие и сухие северо-западные ветра, понижающие температуру до 25 градусов. Это обстоятельство и было причиной, почему он не был колонизован раньше ни китайцами, ни японцами, ни корейцами. В отношении рельефа и пластики суши всю территорию Владивостокского округа надо разделить на две части: всхолмленную равнину к югу от озера Ханка и в бассейне реки Суйфуна и горную по обе стороны Сихотэ-Алиня...Эту горную часть страны китайцы называют Дун-Да-Шань, что значит “Восточные большие горы”» (АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 64. Л. 7–8).

Параллельно с описанием самой территории Дальнего Востока Арсеньев делает основанные на включенном наблюдении заметки относительно населения края. В дневниках Арсеньева содержатся подробные этнографические сведения о жизни аборигенного населения Дальнего Востока – орочах, гольдах, более всего – удэгейцах. Характеризуя хозяйственные склонности проживающих здесь этнических групп, Арсеньев указывает, к примеру, что «украинцы, как чистые землеробы, не выносят тайги и не питают никакой склонности к лесным промыслам, в том числе и к охоте», «корейцы занимаются звероловством и притом самым хищническим образом», «у китайцев нет таких отраслей труда, которые не были объединены в корпорации и союзы», «японцы захватывают в свои руки те отрасли труда, которые более подходящи к их характеру и те, которые требуют аккуратности, чистоты и некоторой смекалки», «белоруссы тяготеют к лесным районам, умело справляются с корчевкой леса» (Там же. Л. 11, 26, 94, 129). Относительно великороссов В.К. Арсеньев отмечает необходимость рассмотрения их не изолированно, а в сравнении с «желтыми соседями»: «...там, где нужно произвести спешную работу в короткий срок, великоросс является незаменимым работником. Но где работа длительная и методично однообразная, там приходится отдавать предпочтение китайцу» (Там же. Л. 121).

Адаптационные способности разных народов на Дальнем Востоке Арсеньев связывает, в том числе, с их культурными установками и ценностными ориентациями. Он отмечает, например, что китайцы по своей натуре не колонисты, «это люди развитые, с философским складом ума, предприимчивые, энергичные, гордые своей многовековой цивилизацией, а потому и малопокладистые» (Там же. Л. 26). Качество корейцев – стремление и готовность всегда прийти на помощь ближнему... Они не способны властвовать над кем-либо и сами легко подпадают во власть сильнейшего» (Там же. Л. 40, 43). Японцы же сплочены в сильную организованную массу, и, благодаря своему обществу во

Владивостоке «Урадзиваки орюминкай», поддерживают друг друга в момент опасности (АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 64. Л. 95).

Арсеньев осуществляет также научное прогнозирование развития территории, дает экспертную оценку в плане ее эффективного политического и экономического управления. Он пишет: «Наша колонизация в Сибири имеет вид постепенно суживающегося меча, слабеющего на своем восточном конце и вклиняющегося в исконные земли желтой расы... Отдаленность Чукотского полуострова от главных административных центров и отсутствие каботажа с одной стороны, с другой – географическая близость к Аляске привели к тому, что население наших дальневосточных окраин стало быстро американизироваться... Китайское влияние на туземцев в Уссурийском Крае за много десятков лет было столь велико, что удэгейцы, обитающие в южной части страны, совершенно окитаялись и привыкли на все смотреть китайскими глазами... Как оградить страну от этого? Нужно строительство колониальное, и чтобы в колониях возникли самоуправления» (Там же. Д. 56. Л. 2–4). И далее Арсеньев отмечает: «Единственный способ оградить районы от иноземной иммиграции – это наиболее плотное заселение их экономически сильным элементом. Лучшими колонистами, по нашему мнению, будут переселенцы из северных губерний Европейской части Союза (великороссы) и в особенности сектанты-старообрядцы (Там же. Д. 64. Л. 37).

Согласно конструктивистскому подходу, «всякий культурный результат должен быть не только создан, но и соответствующим образом эксплицирован, представлен публике... иначе он просто не станет явлением культуры» (Мартишина 2011). Помимо научного описания и экспертных оценок, касающихся дальневосточных территорий, Арсеньев занимался активной популяризацией края посредством осуществления музейной деятельности, чтения лекций в университете, проведения экскурсий. Как вспоминали те, кто принимал участие в экскурсиях, проводимых Арсеньевым: «Геология, океанография, экономика – во всех этих областях у Арсеньева огромные знания. Все 4 часа, пока наш катер идет к о. Аскольду, Арсеньев ведет беседы то с одной, то с другой группой экскурсантов. Это не лекция, отнюдь нет. Это цепь наблюдений, размышлений вслух, обращенных не к слушателям, а к наблюдаемому разнообразному и богатому экскурсионному материалу, ибо на арсеньевской экскурсии все активны, все зорко всматриваются в окружающее. Руководитель только помогает этим самостоятельным наблюдениям. На всякий, самый простой, иногда наивный вопрос, у него есть серьезный и вдумчивый ответ» (Там же. Оп. 6. Д. 135. Л. 10).

Таким образом, проведенные В.К. Арсеньевым научные исследования Дальнего Востока, изучение его места в экономической системе государства и выявление культурной специфики не только дали допол-

нительный материал для продвижения образа Дальнего Востока как самобытной и сильной территории, но и непосредственно сформировали лицо дальневосточного края.

«Страна Дерсу»: художественное конструирование образа территории

Наряду с научным изучением территории, ее художественное описание также может рассматриваться как значимый фактор конструирования образа Дальнего Востока. Освоение региона в российской империи – процесс, по своим масштабам никак не меньший, чем освоение Дикого Запада в американской культуре (Головнев 2015). Как известно, последнее активно мифологизировалось и породило в западной культуре обширную традицию художественной интерпретации. История же покорения Дальнего Востока была освоена, например, русской художественной литературой в неизмеримо меньшей степени.

Данная ситуация преодолевается в творчестве Арсеньева, поскольку восприятие Дальнего Востока у массового российского читателя уже длительное время строится на небольшом количестве лежащих на поверхности художественных ассоциаций, предложенных исследователем (здесь стоит упомянуть образы Дерсу Узала (рис. 3), «людей из тайги», не превращенной в хозяйственный ландшафт, девственной природы Уссурийского края и т.п.). Именно в художественном плане в полной степени было раскрыто диалогическое отношение Арсеньева к краю, представлены размышления исследователя о встрече в регионе двух культур: колонизаторской и аборигенной. Художественные нарративы, созданные Арсеньевым, также формировали стандартизированные образы дальневосточной природы и жителей региона, оформляя и закрепляя авто- и гетеростереотипы.

Читатели Арсеньева имели возможность представить себе «грозный бич тайги» – лесной пожар, пургу в горах, бурю, «швыряющуюся деревьями-великанами», встречу с тигром, бой оленей, охоту за осьминогом, а также «первобытного человека», для которого все движущееся – «люди»: и человек, и тигр, и туча, и огонь, и кипящая в чайнике вода. Литературные критики отмечали, что «книги Арсеньева “доходчивы” в самом широком значении этого слова... Читающие книги Арсеньева чувствуют себя участниками его экспедиций, переходов; вместе с ним плывут на туземной лодке, сидят у костра, глотая дым и испытывая на себе укусы moskitov. В этом как раз и заключается особенность сочинений Арсеньева: они увлекают читателя по следам исследователя, по следам его друга Дерсу, уводят вглубь тайги, заставляют подниматься на дикие вершины Сихотэ-Алиня или спускаться к бесчисленным сверкающим притокам Уссури или Амура» (Литературное наследство 1945).

Рис. 3. 1907 г. Арсеньев и Дерсу Узала в экспедиции.
(АОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Д. 51. Л. 19)

Арсеньев сознательно использовал художественные средства в описании Дальнего Востока, позволяющие ему точнее и эмоциональнее передать свои впечатления о крае. Какое значение придавал исследователь художественной отделке своих сочинений, видно из сохранившихся в его архиве рукописей и корректур. В течение продолжительного времени Арсеньев исправлял отдельные слова в рукописях, подбирая наиболее выразительные обороты, заменял неудачные выражения. В архиве исследователя хранится большое количество аккуратно наре-

занных лоскутков бумаги, расположенных по конвертам с надписями: «Дождь», «Буря», «Утро», «Огонь», «Море», «Птицы», «Лунная ночь» и др. (АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 102). В каждом конверте были короткие выписки из произведений классиков мировой литературы, романистов, из отчетов путешественников, натуралистов, естествоиспытателей (А.М. Горький, Ч. Диккенс, А. Куприн, К. Фаррер, И.С. Тургенев, А. Брэм, Н.Н. Пржевальский).

В приведенных далее дневниковых записях Арсеньева без труда можно обнаружить литературные по своей природе нарративы. Так, описывая устье р. Иодзыхэ во время Уссурийской экспедиции летом 1907 г., Арсеньев писал: «Ночь была тихая, лунная. Слышались крики выпи, как бы мычание коров, шумные всплески горбуши, бурчание лягушек, да шум поднимаемый шестами при вынимании их из воды. Удивительная торжественность. Деревья на берегу, казалось, уснули и грезили сказками в своих сновидениях. Тихий ветерок шептал им свои дивные сказки. Белый сильный цвет ацителена ярко освещал дно реки, идвигающаяся рыба имела вид голубой окраски» (Там же. Оп. 6. Д. 36. Л. 8). Описание горного хребта Ян-де-Янге во время путешествия по р. Кура выглядело следующим образом: «Синие горы, покрытые снегом, с вершинами, причудливыми как мечты. Хребет тянулся в направлении к северо-востоку. Снежные вершины его уходили вдаль и там сливались с туманной синевою. Только острые пики чуть-чуть виднелись своей розовой окраской при свете заходящего солнца» (Там же. Л. 91).

Повествовательный рассказ об увиденном весьма часто дополняется у Арсеньева и нарративами, близкими к кинематографическим, в результате чего возникает запоминающийся визуальный образ края. Например, дневник экспедиции на Камчатку в 1918 г. содержит следующее описание: «Южная часть Камчатки со стороны моря имеет дикий, угрюмый и неприветливый вид. Голые скалы, всюду снег, типичные сопки и вулканы. Полное впечатление Антарктического материка. Казалось, что в этой суровой и дикой стране человек находится под давлением природы. Нигде ни одной лодки, ни одного паруса, на берегах не видно жилищ. Снежная и каменная пустыня. Страна, забытая богом» (Там же. Л. 107). И далее – описание Ключевской сопки: «Ключевская сопка сильно действует и выбрасывает густые клубы дыма. Если считать высоту вулкана в пять верст, то, судя по масштабу, клубы дыма из кратера вылетаютверху еще на версту. По склону горы сбегает лава и катятся гигантских размеров раскаленные камни. Великолепнейшая кинематографическая картина!» (Там же. Л. 117–118). Внимание к визуальным средствам репрезентации своих материалов проявилось у Арсеньева, в частности, в его стремлении к постоянной фотографической фиксации исследуемого в процессе экспедиций (рис. 4), а

также в иллюстрировании путешественником собственными фотографиями первых изданий своих литературных текстов.

Рис. 4. Вид с Чертовых камней на долину р. Мухень.
Фото из экспедиции Арсеньева 1927 г. (АОИАК. Ф. 14. Оп. 4. Д. 55. Л. 3)

Ярким примером единства научного и художественного описания, к которому Арсеньев довольно часто прибегал в своих произведениях, может служить следующая выдержка из его работы «По Уссурийскому краю»: «Сегодня мы имели случай наблюдать на востоке теневой сегмент земли. Вечерняя заря переливалась особенно яркими красками. Сначала она была бледная, потом стала изумрудно-зеленой, и по этому зеленому фону, как расходящиеся столбы, поднялись из-за горизонта два светложелтых луча. Через несколько минут лучи пропали. Зеленый свет зари сделался оранжевым, потом красным. Самое последнее явление заключалось в том, что багрово-красный горизонт стал темным, словно от дыма. Одновременно с закатом солнца на востоке появился теневой сегмент земли. Одним концом он касался северного горизонта, другим – южного. Внешний край этой тени был пурпуровый, а чем ниже спускалось солнце, тем выше поднимался теневой сегмент» (Арсеньев 1986: 40).

Используются Арсеньевым и такие чисто художественные выразительные средства, как сравнение, метафора, развернутая метафора,

олицетворение. Приведем еще один отрывок из книги «По Уссурийскому краю»: «С первого шага буйные травы охватили нас с головой. Они были так высоки и так густы, что человек казался в них утонувшим. Внизу, под ногами – трава, спереди и сзади – трава, с боков – тоже трава и только вверху – голубое небо. Казалось, что мы шли по дну травяного моря» (Арсеньев 1986: 29). И, верный себе, автор добавляет научное пояснение: «Главными представителями этих трав будут: тростники (*Phragmites communis* Trin.) высотой до 3 метров, вейник (*Calamagrostis villosa* Mutel) – 1,5 метра...» (Там же). К использованию средств художественного конструирования относится и персонификация территории в образе ее коренного жителя – Дерсу Узала, обладающего, с одной стороны, уникальностью и живостью характера литературного героя, а с другой – символически представляющего те черты, которые акцентируются Арсеньевым в образе региона: непосредственное единство с природой, стойкость и жизненную силу, естественность мировосприятия и нравственного действия.

Посредством созданных Арсеньевым литературных нарративов, во-первых, у читателей возникал образ Дальнего Востока, имеющий сильную эмоциональную составляющую, во-вторых, в силу самой природы художественного отображения реальности формировалось многомерное (нелинейное) представление о регионе и населяющих его жителях. Можно также предположить, что в творчестве Арсеньева художественные описания Дальнего Востока сглаживали излишнюю наукообразность в репрезентации региона и оказывались в минимальной степени подвержены политической риторике. Для самого Арсеньева это было важно, поскольку роль конструктивистской составляющей образа отдаленных территорий принципиально возросла в первой трети XX в. (Martin 2001). В СССР оказались востребованы те коммуникативные практики, которые были направлены на формирование образов территорий с определенными характеристиками: пропаганда в регионах советского образа жизни, идеология партии, усиление дискурса индустриализации и т.п.

В целом, как показывает проведенный анализ, образ Дальнего Востока в творчестве Арсеньева выстраивается на пересечении научного и художественного дискурса. При формировании образа дальневосточного края исследователем применяется целый комплекс приемов научного и художественного творчества, среди которых особо отметим: строгое, системное описание изучаемых объектов, их нейминг, картографирование, топографическую съемку, научный прогноз, а также широкое использование литературных нарративов и визуальных средств репре-

зентации полученных материалов (рисунки, фото). Умелое сочетание этих приемов в деятельности Арсеньева послужило основанием для распространения и воспроизводства в массовом сознании целостного образа Дальнего Востока, который объединил в себе картины природы и жизни животных, русских колонистов и приморских «следопытов», «ловцов жемчуга» и «искателей женьшеня». Созданный Арсеньевым образ дальневосточного края послужил также основой для формирования положительной оценки региона как территории с необычайно разнообразным природным и этнокультурным ландшафтом, мощным ресурсным потенциалом. Как показывают архивные источники (переписка, воспоминания современников, газетные публикации), данный образ широко транслировался в советский период внутри страны и за ее пределами, разделялся многими, отличался устойчивостью и в этом смысле приобрел характер культурного конструкта. Представляется, что смыслы, сформулированные Арсеньевым в первой трети XX века относительно функционирования и развития Дальнего Востока, и сегодня могут служить основой для формирования образа этого края в российской культуре, в том числе для определения и реализации государственной политики развития региона.

Литература

- Аргудяева Е.В. В.К. Арсеньев – путешественник и этнограф: Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В.К. Арсеньева: материалы, комментарии. Владивосток: ДВО РАН, 2007.
- Аристов Ф.Ф. В.К. Арсеньев (Уссурийский) // Дальний Восток. 1974. № 4. С. 127–136.
- Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю. Дальневосточ. книж. изд-во, 1986.
- Головнева А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015.
- Егорчев И.Н. Неизвестный Арсеньев. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2016.
- Лефевр А. Производство пространства // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2, № 3. С. 27–29.
- Литературное наследство В.К. Арсеньева // Красное знамя. 1945. № 177.
- Мартишина Н.И. Категория конструирования: за пределами технической интерпретации // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2011.
- Розов М.А. Наука как традиция // Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М.: Контакт-Альфа, 1995. С. 66–178.
- Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Владивосток: Общество изучения Амурского края, 2012.
- Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008.
- Martin T. The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union 1923–1939. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001.
- Sarup M. Identity, culture and the postmodern world. Edinburgh University Press, 1996.
- Tuan Y.-F. Space and Place: Humanistic Perspective // Human Geography. An Essential Anthology / J. Agnew, D.N. Livingstone, A. Rogers (eds.). Oxford: Blackwell, 1996. P. 444–457.
- Valentine G. Imagined Geographies: Geographical knowledge of Self and Others in everyday life // Human Geography Today / Ed. by D. Massey, J. Allen, and P. Sarre. Cambridge: Polity Press, 2007. P. 47–61.

Wright J.K. Terra incognita: the place of the imagination in geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1947. Vol. 37, No. 1. P. 1–15.

Архивные источники

- АОИАК – Архив Общества изучения Амурского края (г. Владивосток) (АОИАК). Ф. 14. Оп. 1. Д. 49. В.К. Арсеньев. Обзорная статья «Положение Дальневосточного края и границы (1920-е гг.)».
- АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 56. Справка В.К. Арсеньева в Полномочное представительство объединенного государственного политического управления Дальнего Востока о хищническом отношении Америки, Японии, Китая и Кореи к народам Дальнего Востока, составленная 4 ноября 1926 г.
- АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 64. В.К. Арсеньев. Население Владивостокского округа. Материалы Приморской экспедиции Дальневосточного переселенческого управления 1929 г.
- АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 102. «Литературная кладовая» В.К. Арсеньева.
- АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 56. Докладные записки, отзывы, переписка и другие материалы по участию В.К. Арсеньева в работах дальневосточной экспедиции «Совкино» в 1928–1929 гг.
- АОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Д. 36. Дневники экспедиций и путешествий В.К. Арсеньева в 1907, 1912–1913, 1917–1918, 1922–1923 гг.
- АОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Д. 135. Газетные вырезки, посвященные жизни и деятельности В.К. Арсеньева (1921–1988).
- АОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Д. 142. Воспоминания В.К. Арсеньева.
- АОИАК. Ф. 14. Оп. 4. Д. 15. Фотоархив. Фонд В.К. Арсеньева.
- АОИАК. Ф. 14. Оп. 4. Д. 26. Фотоархив. Фонд В.К. Арсеньева.
- АОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Д. 51. Фотоархив. Фонд В.К. Арсеньева.
- АОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Д. 55. Фотоархив. Фонд В.К. Арсеньева.

Статья поступила в редакцию журнала 16 августа 2017 г.

Golovneva Elena V., Martishina Natalia I.

‘OWNING THE EAST’: THE IMAGE OF THE REGION AS CONSTRUCTED IN THE WORKS OF VLADIMIR K. ARSENIYEV*

DOI: 10.17223/2312461X/19/13

Abstract. The article analyses the works of Vladimir K. Arseniev (1872–1930), a traveller and researcher of the Far East, with the aim of identifying the representational potential of the region’s image as constructed by him. Archival data (field diaries, memories, and newspapers) and literary works of his were used as major sources in the analysis. Based on the methodology of social constructivism, scientific and artistic ways of assembling the image of the Far East are defined and analysed, and the role of each of these in Arseniev’s works is shown. A particular emphasis is placed on the role of the researcher himself in the creation of a stereotypical picture of the region, and the techniques of his doing so are considered, among them scientific description, naming of territories, mapping, visualisation, and literary work. The article demonstrates that Arseniev’s narratives would evoke in the reader’s mind an image of the Far East with a strong emotional component to it and thus a multi-dimensional (non-linear) idea of the region and its inhabitants would form. The variety of the techniques he used in the study of the Far East, on the one hand, helped avoid the use of excessively scientific language in the representation of the region, and on the other, was least subject to any political rhetoric. The authors conclude that thanks to the works of Arseniev, the image of the Far East was instilled into collective consciousness as a complex of ideas combining pictures of

nature and wildlife, Russian colonists and seaside 'pathfinders' (and in this form was communicated to the international audience). This image assumes the character of a cultural construct, conditions the assessment of the region, and is distinctively tenacious.

Keywords: image of region, construction, construct, visualisation, Far East, Vladimir K. Arseniev

* The research is done with the support of Russian Foundation for Fundamental Research (grant # 18-09-00076) under the project entitled 'Traditional Ethno-Cultural Communities of the North in Ethnographic Cinema'.

References

- Argudiaeva E.V. *V.K. Arsen'ev – puteshestvennik i etnograf: Russkie Priamur'ia i Primor'ia v issledovaniakh V.K. Arsen'eva: materialy, kommentarii* [V.K. Arseniev, a traveller and an ethnographer: the Russians of Priamurye and Primorye in V.K. Arseniev's research: materials and commentary]. Vladivostok: DVO RAN, 2007.
- Aristov F.F. V.K. Arsen'ev (Ussuriiskii), *Dal'nii Vostok*, 1974, no. 4, pp. 127–136.
- Arsen'ev V.K. *Po Ussuriiskomu kraiu* [Crossing the Ussuri territory]. Dal'nevostochnoe kn. izd-vo, 1986.
- Golovnev A.V. *Fenomen kolonizatsii* [The phenomenon of colonisation]. Ekaterinburg: UrO RAN, 2015.
- Egorchev I.N. *Neizvestnyi Arsen'ev* [The unknown Arseniev]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2016.
- Lefevr A. *Proizvodstvo prostranstva* [The production of space], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2002, Vol. 2, no. 3, pp. 27–29.
- Literaturnoe nasledstvo V.K. Arsen'eva [The literary legacy of V.K. Arseniev], *Krasnoe znanie*, 1945, no. 177.
- Martishina N.I. Kategorii konstruirovaniia: za predelami tekhnicheskoi interpretatsii [The category of construction: beyond technical interpretations], *Vestnik Sib. gos. un-ta putei soobshcheniia*. Novosibirsk: Izd-vo SGUPSa, 2011.
- Rozov M.A. Nauka kak traditsiia [Science as a tradition]. In: Stepin V.S., Gorokhov V.G., Rozov M.A. *Filosofia nauki i tekhniki* [The philosophy of science and technology]. Moscow: Kontakt-AI'fa, 1995, pp. 66–178.
- Tarasova A.I. *Vladimir Klavdievich Arsen'ev*. Vladivostok: Obshchestvo izucheniia Amurskogo kraia, 2012.
- Filippov A.F. *Sotsiologiya prostranstva* [The sociology of space]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2008.
- Martin T. *The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union 1923–1939*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001.
- Sarup M. *Identity, culture and the postmodern world*. Edinburgh University Press, 1996.
- Tuan Y.-F. Space and Place: Humanistic Perspective. In: J. Agnew, D.N. Livingstone, A. Rogers (eds.) *Human Geography. An Essential Anthology*. Oxford: Blackwell, 1996, pp. 444–457.
- Valentine G. Imagined Geographies: Geographical knowledge of Self and Others in everyday life. In: *Human Geography Today*. Ed. by D. Massey, J. Allen, and P. Sarre. Cambridge: Polity Press, 2007, pp. 47–61.
- Wright J.K. Terra incognita: the place of the imagination in geography, *Annals of the Association of American Geographers*, 1947, Vol. 37, no. 1, pp. 1–15.
- AOIAK – Arkhiv Obshchestva izucheniia Amurskogo Kraia (g. Vladivostok) [The Archives of Society for Research on the Amur Region].